

WORLD CLASSICS BOOKS

ИВАН
ПАНАЕВ

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ
ХЛЫЩ

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П16

Панаев И.И.

П16 Великосветский хлыщ / И.И. Панаев. — М. : Т8 Издательские технологии / World Classics Books, 2020. — 380 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76933-9

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Джона Петти «Две струны к ее луку», 1882, Художественная галерея и музей Келвингроув, Глазго, Шотландия.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76933-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Содержание

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ ХЛЫЩ	5
Глава I	7
Глава II	27
Глава III	53
Глава IV	91
Глава V	127
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ХЛЫЩ	179
I. Детство	181
II. Молодость	212
III. Зрелый возраст	249
IV. Закат	277
ХЛЫЩ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ	
(DE LA HAUTE ECOLE)	301
Вместо вступления	303
Глава I	306
Глава II	311
Глава III	329
Глава IV	350

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ ХЛЫЩ

ГЛАВА I

Дагерротип с артистического семейства и о том, как приятно проводить время в таких семействах

Я знаю лет двадцать Грибановых. Отличнейшее семейство и притом с артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляют жизнь этого семейства. Оно совсем погружено в изящное. Всякий артист, какой бы маленький талантлик ни имел, в какой бы крошечной сфере ни действовал, хотя бы только искусно играл на балалайке, наверно будет принят в этом почтенном семействе с распростертыми объятиями. Литератор бежит туда читать свое новое произведение, еще не оконченное; художник показать свои эскизы, только что набросанные небрежно карандашом, и в которых ровно ничего разобрать нельзя, — и тот и другой уверены, что найдут глубочайшее сочувствие. Хозяин дома, с большим искусством вырезающий из бумаги си-

луэты; его свояченица, заменившая в доме умершую хозяйку, превосходно лепящая цветы из воска; сын, пишущий стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой, — все ахают и восхищаются, слушая новое произведение литератора и рассматривая новые эскизы художника, и потом повторяют своим знакомым в течение, по крайней мере, месяца, каждому по очереди: «Ах! какую повесть читал нам NN!.. Ах! какие эскизы показывал нам Д. Д.!.. Ах, сколько у них таланта!..» и проч. Доброта этих людей простирается до того, что они приходят в восторг от всякого, даже плохого произведения, если только оно в первый раз прочитано или показано в их доме. Правда, о произведениях замечательных и талантливых, которые не были им читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вследствие искреннего убеждения, что ни одно замечательное произведение не может не быть предварительно им известно, что все художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, певцы и певицы, знакомые им, — люди, непременно обладающие высокими талантами, и что те, которые не имеют этой чести, едва ли могут иметь и дарование. Нежная привязанность друг к другу, соединяющая членов этого семейства, поистине замечательна. Отец обожает своих детей, дети обожают отца, тетка обожает племянника, племянник тетку... В этом доме все обожают друг друга. Если отец вырежет какой-нибудь новень-

кий силуэтик, сын немедля приходит от него в восхищение и бежит к тетке.

— Посмотрите, — говорит он, — какую удивительную вещицу вырезал папенька, с каким вкусом, с каким изяществом, это просто художественно!

— Ах, какая прелесть! — восклицает восхищенная тетка. Если сын напишет стихотворение и прочтет его отцу и тетке, отец, пожимая плечами от удивления, со слезой на реснице восклицает:

— У, как это хорошо! Какой стих! Какая мысль! Я никогда ничего не слыхал лучше этого!

И при этом голос отца задрезжит, умиленный, как порванная струна.

— Это маленький chef-d'oeuvre! — восклицает тетка, всплеснув руками.

Затем оба они, отец и тетка, закричат:

— Пелагея Петровна! Пелагея Петровна!

Приживалка, вроде ключницы, прибежит на этот крик, запыхавшись, но с приятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лице ее и которая не оставляет ее даже в самые горькие минуты ее жизни.

— Что прикажете-с?

— Послушайте-ка, матушка, — скажет отец, прищелкнув языком, — какие новые стихи написал Иван... лучше ничего не было написано на русском!

— Ах, какие стихи! — повторит тетка. — Пожалуйста, друг мой, не ленись, прочти еще раз.

И она нежно взглянет на племянника. Племянник мгновенно повинуеться и начнет читать; отец между тем качает в такт головой во время чтения и, смотря на Пелагею Петровну, говорит:

— Слушайте, слушайте! (хотя та и без того благоговейно слушает, даже разиня рот от излишнего внимания). Каков стих-то! Каков стих-то. Замечаете, а?

И ударит по плечу Пелагею Петровну, а сам так и зальется слезами, хоть бы стихи были комического содержания.

Вечером, когда явятся гости, сначала приживалка, разливая чай, шепнет непременно каждому на ушко: «Иван Алексеич написал новое бесподобное стихотворение!» Потом отец, не более как через четверть часа после приживалки, барабана по столу, не утерпит и вдруг брякнет среди разговора вовсе некстати:

— Что, Иван ничего вам не показывал?

— Нет-с, — ответит гость.

— Заставьте его прочесть: он написал новое стихотворение... Это вещь капитальная, необыкновенно хороша! Из него вырабатывается что-то очень серьезное!

И открытое, добродушное лицо старика выразит столько счастья при мысли, что он произвел на свет такое гениальное дитя, что и гость, даже самый нечувствительный, невольно расчувствуется.